
АЛЕКСАНДР ПИРОВ
ЭКСПЕДИЦИЯ
„ОЙ, ВСЁ“
ПЕЛИКАН-9
Каждое слово может стать магией.
Иногда самое правильное решение — просто помолчать.

Александр Пиров

Экспедиция "Ой всё"

«Автор»
2026

Пиров А.

Экспедиция "Ой всё" / А. Пиров — «Автор», 2026

На борту судна «Пеликан9» наука сталкивается с магией: загадочное вещество со дна океана под светом полной луны кристаллизуется — и из кристаллов появляются персонажи книг и мультфильмов. Обычная скороговорка срабатывает как заклинание: глохнет двигатель, пропадает связь, а любое слово может стать магией. Кристаллы разрастаются, подпитывая первоисточник в пещере, а корабль идёт к Нью-Йорку — магия вот-вот ворвётся в обычную жизнь. Профессор ищет решение, но лаборантка Полина, желая спасти новый волшебный мир, превращает его в кота. Срок удаётся сократить до трёх лет — и теперь Аркадию предстоит решить: спасать мир от магии или оставить людям право мечтать вслух.

© Пиров А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛ А В А 1 6
ГЛ А В А 2 10
ГЛ А В А 3 13
ГЛ А В А 4 17
ГЛ А В А 5 20
ГЛ А В А 6 23
ГЛ А В А 7 27
ГЛ А В А 8 30
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Александр Пиров
Экспедиция "Ой всё"

ГЛАВА 1

Запись в судовом и исследовательском журнале от двадцать пятого ноября, двадцать три часа пятнадцать минут. Лаборатория в трюме «Пеликана-9» пахнет озоном, машинным маслом и, вопреки всякой корабельной логике, горячей выпечкой. Я осторожно подкрутил верньер молибденового вольтметра, добиваясь чистого нуля на шкале, и прислушался к гулу судовой вентиляции.

— Тише, ради всего святого, — пробормотал я, не отрывая взгляда от шкалы. — Сеня, не дыши на кабель, он настроен на микровольты. И убери локоть с диэлектрического коврика.

— Я случайно, Аркадий Ильич, — прошептал Сеня, вжимая голову в воронье гнездо песочных волос и сжимая в руке калибровочный ключ так, словно тот вот-вот укусит его за палец. — Виноват! Я просто хотел посмотреть, почему у вас на графике такой зубчик.

— Зубчик называется флуктуацией, Сеня, а не «почему». Мы проводим калибровку масс-спектрометра перед ночным забором проб поднятого монолита, а не устраиваем вечер фокусников.

У открытого автоклава, где на стерильной салфетке лежал крупный, словно застывшая слеза древнего великана, янтарный сгусток, нависла Полина. Ее горчичный свитер с засученными рукавами выглядел здесь столь же уместно, как тропический попугай на айсберге. Она наклонилась над кромкой металла, покачиваясь в такт еле слышному звенящему тону, и звонко, на весь трюм, продекламировала:

— Сушки, сушки, хруст избушки, пахнет тмином и маком, а кто тронет янтарь, тот останется дураком!

Я замер с отверткой в руке. В тишине трюма заскрипели металлические ребра переборок.

— Полина, — произнес я с ледяной академической вежливостью, — строго говоря, в этом четверостишии нарушена метрика, отсутствует научная ценность и полностью игнорируется техника безопасности. Отойдите от автоклава.

— Да ладно вам, профессор! — Полина весело хрустнула сушкой, крошки посыпались прямо на край рабочего стола, и тут же нахмурилась, приложив ладонь к уху. — Ой, мамочки... Вы слышите? Он гудит. Прямо в ля-мажор. Красиво, правда? Как камертон в пустом соборе.

— Кристалл не может издавать музыкальные интервалы в тональности ля-мажор, коллеги, исключено! — отрезал я, поправляя очки. — Это резонанс корпуса от судового генератора.

Сеня дернулся от моего резкого голоса, локоть его соскользнул, и тяжелый калибровочный ключ сорвался вниз, гулко звякнув прямо по защитному кожуху масс-спектрометра.

В тот же миг янтарный сгусток в автоклаве вздрогнул. По его мутноватой глубине пробежала судорога, и минерал налился густым, теплым янтарным светом, словно

внутри кто-то зажег лампу из свежего липового меда. Свет мягко коснулся моих пальцев на отвертке, и на мгновение мне показалось, что я чувствую тепло не от лампы, а от живого дыхания.

Сеня пискнул и закрыл глаза ладонью. Полина ахнула, выронив недоеденную сушку на пайолы.

Я наклонился к дисплеям. Цифры на амперметре и молибденовом вольтметре начали плясать вразнобой, а потом оба прибора одновременно выдали значение с минусом, которое в моей картине мира просто не имело права на существование. Отрицательное сопротивление. Ток тек туда, где ему полагалось встречать глухую стену, а датчики мигали, словно пытаясь подать мне сигнал бедствия.

— Смотрите, работает! — зашептала Полина, подаваясь вперед, и протянула руку к сияющему янтарю.

— Руки прочь! — рявкнул я, загораживая прибор корпусом. — Физически невозможно, чтобы кусок окаменелой смолы переписывал базовые уравнения Максвелла. Честное слово, если это розыгрыш с перепайкой шунтов, я лично отправлю вас обоих драить трюмные фильтры до самого Владивостока.

— Я не трогал шунты, Аркадий Ильич, честное слово! — затараторил Сеня, переводя испуганные синие глаза с меня на светящийся камень. — Он сам! Он прямо дышит!

Я перевел взгляд с одного монитора на другой. Вольтметр показывал минус четыре целых две десятых, спектрометр упрямо уводил кривую в никуда, а барометр на стене лаборатории тихонько пощелкивал, будто раздумывал, не сменить ли ему профессию на маятник. Приборы не согласны друг с другом.

— Так, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри все неприятно холодело. — Сеня, подбери сушку и вытри крошки. Полина, отойдите от образца на два метра. Вероятно, окислились контакты на входном каскаде, а морская сырость дала утечку. Никакой мистики здесь нет и быть не может.

Я сделал вид, что занят проверкой клемм, хотя сам косился на янтарный сгусток, который теперь светил ровно и спокойно, точно спящий котенок у печки.

Двадцать три часа сорок пять минут. Я поднялся в кают-компанию, прижимая к груди папку с распечатками аномальных графиков и чувствуя себя человеком, который пытается доказать шторму, что волны обязаны двигаться строго по синусоиде.

В кают-компании пахло сушеным шиповником и старым деревом. За длинным столом под тусклым плафоном сидел капитан Григорий Косарь — широкий, кряжистый мужчина в темно-синем бушлате поверх выцветшей фланелевой рубашки, с густой седеющей бородой и удивительно спокойными карими глазами. Перед ним дымился высокий граненый стакан с рубиновым настоем.

— Григорий Иванович, — начал я без предисловий, раскладывая листы прямо рядом с его стаканом. — Нам необходимо на час заглушить вспомогательные дизели. В лаборатории творится черти что: наводки, отрицательное сопротивление, датчики ведут себя так, будто над ними издевается студент-первокурсник. Без полной тишины по питанию я не смогу отделить помехи от свойств образца.

Капитан неторопливо подул на горячий шиповник, сделал небольшой глоток и лишь потом поднял на меня взгляд.

— Отставить панику, профессор, — произнес он низким, бархатным басом, от которого даже у меня на секунду разгладились морщины на лбу. — Машины глушить не будем. Чайку бы сейчас, да с медом, а не в темноте по палубам шарить.

— Речь не о комфорте, капитан, а о чистоте эксперимента! — Я постучал костяшкой пальца по графику, где линия сопротивления падала ниже нуля. — Если я не получу достоверные данные сейчас, весь рейс теряет смысл.

Косарь молча кивнул в сторону переборки, где висел судовой барометр.

— Погляди на стрелку, Аркадий. Зыбь снаружи идет, вал длинный, тяжелый, а ртутный столб стоит как вкопанный. Ни вверх, ни вниз. Уже два часа не шелохнется.

Я подошел к барометру, прищурился и легонько постучал по стеклу. Стрелка не дрогнула.

— Неисправен анероид или капилляр прихватило, — пожал я плечами, возвращаясь к столу. — Приборы иногда врут.

— Бывает, — согласился капитан ровно. — Только эхолот на мостике уже два часа рисует под килем идеальные круги. Ровные, словно циркулем начерченные. Море шума не любит, Аркадий, а когда оно вот так замирает... тут не до графиков.

— Григорий Иванович, вы же выпускник мореходки, а не сказочник из старинной книжки! — Я всплеснул руками, чувствуя, как меня начинает заводить эта спокойная, невозмутимая упертость. — Верить в морские приметы при наличии исправной аппаратуры постыдно для человека вашей выучки. Океан — это физика, гидродинамика и соленая вода, а не характер капризной барышни.

Капитан мягко улыбнулся в бороду, но ничего не ответил — лишь снова потянулся к стакану с шиповником. И в этот момент в стакане тихо звякнула чайная ложка.

Я замер. Ложка лежала на дне, у самого края стекла, и никто ее не касался. Но через секунду ее черенок медленно, плавно, без единого рывка пополз по кругу — против часовой стрелки. Вода в стакане даже не пошла рябью, только тонкий блик от лампы скользнул по столу, точно кто-то невидимый размешивал в шиповнике сахар.

— Видал? — тихо сказал Косарь, глядя на вращающуюся ложку так, словно видел подобное не в первый раз и относился к этому с тем же терпением, с каким сносит поломки старого такелажа. — Предупреждал я тебя, профессор. Волны сегодня ведут себя странно. А машины я все равно не остановлю.

Ноль часов двадцать минут. На ходовом мостике было непривычно тихо: даже привычное шуршание воды у форштевня куда-то провалилось, оставив после себя густую, вязкую тишину. Я стоял у пульта дальней связи, натянул гарнитуру на уши и ввел контрольную частоту береговой базы во Владивостоке.

В наушниках зашипел белый шум. Я переключил диапазон, проверил модуляцию — все в норме, антенна чистая.

— «Пеликан-9» вызывает Владивосток, — сказал я в микрофон, стараясь говорить четко и сухо, как полагается по уставу. — Прием. Контроль связи.

Вместо привычного треска или голоса дежурного радиста динамик вдруг выдохнул теплый, чистый женский голос. Он звучал так близко, будто женщина сидела за соседним пультом, и читал размеренно, с легкой печалью:

— «...и когда последний лист осенний падает на гравий аллеи, сердце не спрашивает, куда ушли голоса, что звали его по имени...»

Я снял гарнитуру, посмотрел на нее так, словно она вдруг превратилась в дохлую скумбрию, и снова прижал к уху. Строчки викторианской элегии текли в эфире ровно, перебиваемые лишь тихим, едва различимым шелестом переворачиваемых бумажных страниц и спокойным дыханием.

— Капитан, — позвал я, не отрывая наушников. — Вы это слышите?

Григорий Иванович стоял у панорамного стекла, скрестив большие руки на груди, и смотрел вниз, на воду. Океан вокруг судна лежал гладкий, как темное стекло, и лунный свет падал на него странным, почти квадратным пятном — словно кто-то вырезал свет из бумаги и приложил к поверхности.

— Слышу, — отозвался Косарь тихо. — Словно книга в пустой комнате шелестит.

— Это кабельная наводка или паразитная модуляция от судового передатчика, — быстро проговорил я, лихорадочно перебирая в уме возможные объяснения. — Где-то пробило изоляцию, и сигнал подхватил постороннюю частоту...

Я осекся. На нактоузе стрелки обоих навигационных компасов — главного и путевого — одновременно дрогнули, провернулись и легли строго на ноль, будто сговорившись не показывать больше ни румба, ни градуса.

Приборы не согласны друг с другом. Нет, хуже: теперь они соглашались в том, что мир вокруг нас потерял ориентиры.

Снизу, из-под палуб, сквозь вентиляционную решетку донесся резкий, перепуганный вскрик Сени, за ним — глухой стук чего-то тяжелого и звон стеклянной посуды.

— Я случайно! Виноват! — донеслось приглушенно из глубины судна, а следом раздался звонкий, испуганный голос Полины: — Ой, мамочки, поднимите реактивы, они же пузырятся!

Я медленно опустил гарнитуру на пульт. Снизу доносился торопливый топот ног и шепот, а в динамике на столе все еще тихо шуршала страница.

ГЛАВА 2

Я спустился по трапу в лабораторию трюма, сжимая в руке титановые щипцы так, словно собирался вырвать у судьбы контрольный пакет акций. Полина уже подобрала сушку, но теперь стояла у стенда с реактивами и с подозрением косилась на колбу с синим раствором, который пузырился с частотой плохого метронома. Сеня прижимал к груди тяжелый свинцовый контейнер с откидной крышкой и дышал через раз, будто боялся спугнуть собственную тень.

— Строго говоря, — произнес я, подходя к пульсирующему образцу, — если мы запечатаем этот кусок окаменелой смолы в свинцовый футляр, мы хотя бы отсечем электромагнитный фон и проверим, останется ли отрицательное сопротивление на клеммах. Коллеги, исключено, чтобы минерал обладал собственной волей.

Я аккуратно подвел губки титановых щипцов к янтарному монолиту. Он лежал в автоклаве, источая ровное тепло липового меда, и при приближении металла тихонько загудел на низкой ноте, словно старый трансформатор перед утренней сменой. В ту же секунду Сеня сделал шаг назад, споткнулся о кабель осциллографа и затараторил, зажмурившись:

— Я с-случайно, Аркадий Ильич, честное слово, но я сейчас, наверное, начну, потому что когда нервничаю, то сразу е-ехал грека через реку, видит грека в реке рак, сунул грека руку в реку, р-рак за руку греку цап!

— Сеня, закрой рот, — сказал я, не отрывая взгляда от захваченного щипцами образца. — У нас не урок логопедии, а изоляция аномалии.

— Виноват! — пискнул он, но язык уже сорвался с цепи, как трос с лебедки. — Ехал грека через реку, видит грека, грека в реке, рак за руку греку — цап-царап!

Воздух в трюме мгновенно потяжелел и сгустился. Сухой запах морской соли и нагретого машинного масла сменился густым, сладковатым духом старой библиотечной бумаги, воска и свежего озона — точно кто-то распахнул шкаф с фолиантами прямо посреди грозового фронта. Я моргнул, пытаясь сфокусироваться на шкале вольтметра, но цифры на нем поплыли, сливаясь в золотую полосу.

— Ой, мамочки, — прошептала Полина, отступая к стеллажу. — Смотрите, работает!

Янтарь в моих щипцах вдруг вздрогнул, выдохнул сноп теплых золотистых искр — не обжигающих, а мягких, словно пыльца от одуванчиков над летним лугом, — и эти искры потянулись дугой к верстаку, где рядом с паяльником

лежал потрепанный томик Джейн Остин, захваченный мной в рейс исключительно ради борьбы с бессонницей. Книга приподнялась на сантиметр над столом, страницы тихо шелестнули, словно кто-то пролистал их сквозняком, и золотистый дым скрутился плотным вихрем прямо над пайолами.

Дым осел так же внезапно, как поднялся, оставив на металле палубы легкий матовый налет, похожий на иней. На пайолах, спиной к свинцовому контейнеру, стояла молодая женщина лет двадцати в строгом сером платье викторианского покроя с высоким воротником, белыми льняными манжетами и безупречно ровным пробором каштановых волос. Она стояла прямо, без тени суеты, и смотрела на нас ясными, пристальными глазами человека, который привык оценивать мир по строгим моральным счетам.

— Сударь, — произнесла она размеренным, безупречно вежливым голосом, в котором не было ни капли испуга, только сдержанное достоинство, — смею предположить, что ваш чердак нуждается в немедленном проветривании и строгом надзоре.

Я замер, сжимая в руках бесполезные титановые щипцы. Сеня открыл рот, но звука не издал, а Полина выронила пустую пробирку, которая даже не звякнула, упав на мягкий налет.

— Физически невозможно, — пробормотал я, медленно опуская щипцы на край стола и хватая со стойки лазерный дальномер. — Это галлюцинация на фоне гипоксии или сложная оптическая проекция от когерентного излучения.

Я направил красный луч дальномера прямо в грудь незнакомке, рассчитывая увидеть, как он пройдет сквозь призрачный силуэт и упрется в дальнюю переборку. Луч ударил в ее скромный хлопковый воротник и со звонким щелчком отразился в сторону, оставив на лакированном шкафу крошечную алую точку.

— Долг велит сохранять спокойствие даже среди невежд, — ровно заметила она, переводя взгляд с прибора на меня. — Истинно так, сударь: направлять светящиеся палочки в лицо собеседнику невежливо.

— Да ладно вам, она настоящая! — воскликнула Полина, и в ее голосе зазвенел тот самый азартный задор, от которого у меня всегда начинал дергаться левый глаз. Она шагнула вперед и протянула руку к плотному серому подолу. — Смотрите, работает! Какая ткань!

Не успели пальцы Полины коснуться материи, как девушка сделала полшага назад и резко дернула край платья.

— Позвольте, юная особа! — ледяной выговор прозвучал так отчетливо, что даже приборы на стенде перестали мигать. — Мы с вами не знакомы столь коротко, чтобы допускать подобную фамильярность. Осанка должна быть прямой, а манеры — безупречными, иначе распущенность превратит душу в пустырь.

Полина надула губы, но руку убрала, пробормотав чтото насчет «зануд из девятнадцатого века». Сеня тем временем тяжело опустился на колени прямо перед янтарным монолитом, который по-прежнему светился теплым медовым светом в автоклаве.

— Я с-случайно, честное слово, — забормотал он, сжимая кулаки. — Я не хотел, чтобы она в-выходила, я вообще думал, что грека...

При каждом запинающемся слоге янтарь в автоклаве вспыхивал ярче, отбрасывая на переборки дрожащие янтарные блики, а барометр на стене тихонько щелкал, словно отсчитывая секунды до взрыва. Я поймал себя на странной, пугающей мысли: чем сильнее Сеня нервничает и путает звуки, тем охотнее пространство подстраивается под его сбивчивый ритм. Но если велеть всем молчать, я не смогу отдать ни одного четкого распоряжения, а без координации мы превратим лабораторию в проходной двор для литературных персонажей.

— Так, — сказал я, стараясь говорить медленно и раздельно, чтобы не дать никому повода для паники. — Никаких резких движений. Сеня, встань с пайолов.

— В-встаю, Аркадий Ильич, честное слово, — прохрипел он и поднялся, утирая лоб рукавом комбинезона.

Гостья тем временем подошла к моему рабочему столу, наклонилась над раскрытым лабораторным журналом и аккуратно прикрыла его ладонью.

— Неприемлемо, — вынесла она приговор, глядя на мои торопливые пометки карандашом. — Почерк неряшлив, строки ползут вниз, словно ученик в Ловудской школе спешил скрыть леность. Я забираю этот журнал на хранение, сударь, пока вы не научитесь писать с должным уважением к бумаге.

Она подхватила тетрадь под мышку, словно строгая классная наставница, и осталась стоять посреди лаборатории, а мы трое смотрели на нее так, будто перед нами материализовался целый отдел по контролю за поведением из другого столетия.

На мостике пахло крепким чаем и мокрой шерстью — привычный запах «Пеликана-9», который в эту ночь казался единственным якорем в расплывшемся мире. Я вел Джейн Эйр впереди себя, словно редкий, но крайне колючий груз, надеясь, что невозмутимый авторитет Григория Ивановича хоть немного остудит этот викторианский ригоризм.

— Григорий Иванович, — сказал я, переступая комингс, — у нас в трюме материализовался персонаж классической литературы. Прошу зафиксировать в вахтенном журнале.

Капитан Косарь даже не повернул головы от панорамного стекла. Он стоял, широко расставив ноги в тяжелых морских ботинках, и спокойно доставал из буфетного

шкафчика тонкую фарфоровую чайную пару с нежным цветочным рисунком — ту самую, которую берег для особых случаев, хотя вслух всегда говорил, что посуда нужна для дела.

— Отставить панику, профессор, — произнес он своим низким, бархатным басом. — Чайку бы сейчас, да с медом. Море шума не любит, а гостям в доме завсегда рады. Не хотите ли сушку, барышня? Свежая, хрустящая.

— Благодарю вас, сударь, — ответила Джейн, слегка склонив голову, но от сушки отказалась с вежливой твердостью. — Однако позволю себе заметить, что грохот ваших машин внизу нарушает всякое благопристойное уединение и напоминает мне о грубых казарменных порядках.

Не успела она договорить, как под палубами раздался тяжелый, утробный скрежет, словно в машинном отделении разом лопнули все натяжные ремни. Главные дизели кашлянули, захлебнулись густым басом и заглохли с глухим ударом, от которого по переборкам прошла мелкая дрожь. На мнемосхеме красным вспыхнул сигнал: датчики показывали внезапную кристаллизацию топлива в магистралях.

Я бросился к пульту управления и замер. Приборы не согласны друг с другом: стрелка тахометра лежала на нуле, мертво застыв на отметке полного останова, тогда как индикатор тяги упрямо полз вверх, упираясь в красную зону предельной нагрузки.

— Море шума не любит... — тихо пробормотал капитан, но на этот раз в его голосе не было прежней безмятежности.

Снизу, по кабельному каналу у левой переборки, пополз глухой треск. Металлический короб вздулся, словно под ним раздували мех, и через секунду янтарный нарост пробил переборку на мостик, выбрасывая тонкие, светящиеся усики, которые жадно потянулись к пультам связи и штурвальному колесу.

— Сударь, — строго сказала Джейн, оглядывая расползающиеся по металлу золотые нити, — слишком громкие звуки и суета — верх вульгарности.

И в то же мгновение, словно подчиняясь ее приговору, резервный генератор в машинном отделении взвыл на высокой ноте и с сухим щелчком оборвал подачу тока, погрузив мостик в тревожный полумрак, где светились лишь янтарные усики и медный блеск судового компаса.

ГЛАВА 3

Я взял кусок школьного мела из кармана лабораторного халата и провел по темному лакированному столу в каюткомпании ломаную линию, которая в моем представлении изображала корреляцию между акустическим давлением и приростом кристаллической массы. В полумраке от аварийных фонарей мел оставлял белесый след, пахнущий известняком и старой пылью, а у левой переборки, прямо над вентиляционной решеткой, пульсировал багрово-оранжевый нарост янтаря. Он вздувался медленно, словно легкое у человека, которому не хватает кислорода, и при каждом толчке по обшивке гудел на низкой, раздражающей частоте.

— Строго говоря, — произнес я, стукая концом мела по краю стола, — если рассматривать этот нарост как полимеризацию смолы с аномальной диэлектрической проницаемостью, то рост массы прямо пропорционален вибрации корпуса. Чем громче шум, тем активнее сшиваются молекулярные связи. Нам нужна жесткая фиксация и охлаждение.

Полина сидела верхом на судовом стуле, подперев подбородок кулаками, и болтала ногами в ярко-красных сапогах так, будто мы обсуждали не угрозу нашему судну, а выбор мороженого в порту. Ее темные кудри, собранные в небрежный пучок, растрепались, а в глазах горел тот самый невыносимый энтузиазм, который заставлял меня каждый раз проверять страховку перед выходом в море.

— Да ладно вам, Аркадий Ильич, — фыркнула она, наклоняясь вперед. — Вы чертите графики, а он злится. Вы на него смотрите как на бракованную пробирку, свысока, с вашим фирменным «фи, какая вульгарная термодинамика». Ему от этого только хуже! Он же из сказки вылез, а не из коллайдера!

— Коллеги, исключено, — отрезал я, вычерчивая вторую ось с таким нажимом, что мел хрустнул и разломился пополам. — Неодушевленное вещество не обладает эмоциональным аппаратом. Ни миндалевидного тела, ни коры головного мозга, ни даже примитивной нервной сети. Это абсурд с точки зрения любой приличной биофизики.

— А кто сказал, что он неодушевленный? — парировала Полина, прищурившись. — Вон, на мостике дизели заглохли после того, как эта строгая барышня фыркнула. Вы же сами видели! Тут дело не в децибелах, а в тоне. Если говорить с ним как с занудным профессором, он затвердеет до состояния алмаза и сожрет переборку. А если по-хорошему, с образом, с рифмой...

Я открыл рот, чтобы прочесть ей краткую лекцию о когнитивных искажениях у молодых исследователей, но в этот момент переборка тихо скрипнула, и багровый отсвет на стене дрогнул. Кристалл у вентиляционного щитка перестал пульсировать резкими толчками. Вместо тревожного рубинового оттенка внутри смолы разлился ровный, теплый свет спелого меда — такой мягкий и тягучий, что в кают-компании словно запахло липовым цветом и нагретым воском.

— Смотрите, работает! — шепнула Полина, но не сделала ни шагу, боясь спугнуть перемену.

Я замер, держа в пальцах обломок мела. В голове сама собой, без всякого разрешения со стороны рационального центра, всплыла строчка из тонкого потрепанного романа, который лежал у меня в каюте под стопкой отчетов — того самого, что жена подсунула мне в дорогу со словами «хоть иногда вспоминай, что люди — не уравнения». Я сжал зубы, но слова сорвались с языка раньше, чем я успел прикусить губу:

— «И в сумерках, когда мир становится тесен для слов, одно лишь тихое доверие способно удержать хрупкое равновесие...»

Я осекся, чувствуя, как у меня мгновенно горят уши. Медовый свет на переборке стал еще ровнее, гул стих до едва слышного благодушного урчания, а край янтарного нароста чуть сгладился, перестав цепляться за металл решетки.

Полина медленно выпрямилась на стуле, ее темные глаза расширились, и на лице расцвела такая ослепительная, торжествующая ухмылка, что мне захотелось провалиться сквозь пайолы прямо в трюм.

— Ой, мамочки, — протянула она нараспев, складывая руки на груди. — «Тихое доверие», «хрупкое равновесие»! Профессор Штерн цитирует сентиментальную классику! Я записала это в память, Аркадий Ильич. Вдруг пригодится для защиты диссертации?

— Это была... — я откашлялся, пытаясь вернуть голосу привычную металлическую сухость, но вышло слишком тихо. — Это была иллюстрация акустического затухания при смене фазового состояния. Строго говоря, метафора для проверки гипотезы.

— Конечно-конечно, — весело согласилась она, соскакивая со стула. — А теперь давайте проверим вторую гипотезу: пока он медовый и сговорчивый, мы его прогреем и снимем.

Через полчаса кают-компания напоминала поле боя после неудачного эксперимента по укрощению стихии. Полина притащила из технического отсека наш самодельный термофен «О-3» — громоздкий аппарат с медным соплом, обмотанным асбестовой лентой, и пучком толстых проводов, который она с присущей ей лихостью подцепила прямо к распределительному щитку вентиляции. В нормальных условиях «О-3» предназначался для локального отжига образцов и ревел так, что в соседних отсеках дребезжали кружки.

— Сейчас мы этот медовый комок аккуратно размягчим и снимем шпателем, — объявила Полина, сжимая рукоятку фена обеими руками и направляя сопло на янтарную корку у щитка. — Главное — не перегреть, а то закипит.

Она щелкнула тумблером. Аппарат рявкнул, но вместо привычного ровного гула турбины из сопла вырвался синеватый электрический треск, пахнущий озоном и паленой изоляцией. Янтарная корка потемнела, но не поплыла, а словно обиделась.

— Греет слабо! — крикнула Полина поверх шума, переходя на скороговорку, от которой у меня внутри все сжалось. — Жар давай, жар, чтобы не вышел пожар, жар сильней, жар быстрей, не жалей огня, скорей!

В дверях кают-компании появился Сеня, прижимая к груди сачок для планктона на длинном шесте — зачем он принес его в обесточенную кают-компанию, оставалось загадкой, но у лаборанта всегда находилось свое объяснение любому хаосу.

— Я с-случайно, Аркадий Ильич, — затараторил он, видя искры. — Я просто подумал, вдруг там...

— Сеня, стой смирно! — рявкнул я, шагая к щитку, но было поздно.

Фен «О-3» вспыхнул ярким лазурным светом, провода на полу заизвивались, как живые, и из медного сопла вместо горячего воздуха вырвалась плотная струя раскаленного золотого тумана. Туман ударил в потолок над столом, закружился спиралью и вдруг начал сгущаться в четкие формы. Через секунду под подволоком уже кружились три тонкие фарфоровые чашки с позолоченными ободками — легкие, невесомые, будто выдутые из утреннего пара. Они описывали ровные круги над нашими головами, тихонько позвякивая, словно приглашая на невидимое чаепитие.

— Лови их! — завопила Полина, пытаясь удержать вырывающийся из рук прибор, который теперь отчаянно дергался вверх-вниз, выбрасывая золотые кольца.

Сеня бросился в атаку с сачком для планктона, подпрыгнул, замахнулся, но на обратном витке зацепил древком длинную гирлянду сигнальных флагов, висевшую у переборки. Флаги рухнули на него плотным цветным каскадом, обмотали шею, руки и шест, и лаборант рухнул

на пайолы, превратившись в пестрый кокон, из которого торчал только его растерянный нос и конец сачка.

— Аркадий Ильич, держите его! — взвизгнула Полина, когда рукоятка фена вывернулась у нее из-под ладоней. — Он сейчас в потолок улетит!

Я схватился за тяжелый медный корпус обеими руками. Прибор оказался живым, упрямым и невероятно сильным: он рвался вверх, точно привязанный к воздушному шару, и из сопла били тонкие янтарные молнии, оставляя на подволоке черные подпалины и сыпя на стол золотые искры. Полина вцепилась с другой стороны, упираясь красными сапогами в пайолы, и на миг мы оказались сцеплены одним безумным рычагом — старый скептик и отчаянная выдумщица, удерживающие взбесившуюся машину среди летающего фарфора и запутавшегося в флагах ассистента.

— Выключи его! — кричал я, чувствуя, как напрягаются мышцы плеч и спины.

— Не могу, заклинило! — отвечала она, но в ее голосе не было паники, только азарт и какая-то странная, почти мальчишеская радость. — Держим, профессор! Не сдаем позиции!

Мы уперлись спинами в край стола, удержав фен на уровне груди, пока одна из фарфоровых чашек проплыла прямо перед моим носом и вежливо наклонилась, будто проверяя, не нужна ли нам добавка.

На главную палубу я вышел около четырех утра, когда ночной воздух уже пах не только солью и мокрым железом, но и тем острым холодом, который бывает перед рассветом в открытом океане. После гула кают-компании, где все еще звенел летающий фарфор и ворчал Сеня, пытаясь распутать желтый флаг с черным шаром, тишина снаружи показалась почти оглушительной. Ветер трепал край лабораторного халата, но не срывал его, а океан вокруг лежал темный и гладкий, без единой белой барашковой гривы.

Григорий Иванович стоял у лебедки, положив крупные ладони на холодный металл барабана. Он не повернулся, когда подошли мои шаги, только кивнул куда-то вниз, за планширь.

— Подойди, профессор, — сказал он негромко, и в его низком басу не осталось ни капли прежней ленивой неги. — Посмотри на воду.

Я подошел к борту, перегнулся через леер и вгляделся в черноту у самого корпуса. Снаружи не было видно ни волн от дрейфа, ни привычной пены вдоль ватерлинии — «Пеликан-9» стоял неподвижно, словно вмерз в глухую плиту. И прямо под килем, уходя куда-то в бездонную глубину, сквозь темную толщу воды просвечивал толстый, пульсирующий жгут золотистого света. Он был толщиной в вековой дуб, медленно переливался изнутри, точно по нему перекатывались живые угли, и тянулся прямо от днища судна вниз, в сторону Мариинской впадины.

По палубе прошел глухой, протяжный скрежет. Корпус судна вздрогнул всем своим стальным нутром, словно великан сменил позу во сне, и где-то внизу, у киля, тихо пропела натянутая струна.

— Он не дрейфует, — сказал капитан, глядя в черную воду. — Течение тянет в одну сторону, а он стоит. Даже ниже садится. Смотри по ватерлинии.

Я прищурился, вглядываясь в светящийся кабель, уходящий в бездну, и машинально прикинул в уме смещение корпуса относительно контрольной метки на рулевом пенале, плотность забортной воды и скорость, с которой пульсирующий жгут втягивал наш металл в глубину. Цифры сложились в считанные секунды, холодные и неумолимые, как приговор. При нынешней скорости погружения до критической глубины, где корпус «Пеликана-9» уже не выдержит внешнего давления, оставалось меньше двадцати часов.

— И это еще не все, Григорий Иванович, — тихо сказал я, не отрывая взгляда от светящейся толщи. — Посмотрите левее, за корму.

Сквозь темную воду прямо к днищу судна уже тянулся второй, еще более толстый золотой кабель света.

ГЛАВА 4

В половине пятого утра я вошел в кают-компанию, рассчитывая на тишину, кружку горячего супа и хоть какойнибудь порядок после ночного кошмара у борта, но вместо этого получил по левому плечу увесистой жестяной банкой сгущенного молока. Банка ударила глухо, оставив на халате синеватый след, и с грохотом покатилась по пайолам к буфету.

— Это варварство! — провозгласила первая дама в пышном парчовом корсете, с такой силой швыряя следующую банку, что та пробила дверцу шкафчика и застряла между стопкой тарелок. — Скверно пахнет рыбой, потолки низки, а у прислуги не хватает почтительности!

Вторая дама, в корсете бордового отлива с золотыми шнуровками, брезгливо приподняла подол юбки и вскинула подбородок, словно перед ней лежала не палуба исследовательского судна, а грязная мостовая предместья.

— Подайте нам карету до Парижа! — потребовала она звонким, режущим уши голосом. — Немедленно! Нам надлежит появиться на приеме у министра, а не ютиться в этой железной консервной банке среди матросов, чьи манеры оскорбляют самый слух!

Под буфетом, вжавшись в тень между ящиками с консервами и обрывками штормовых строп, тихонько поскуливал Сеня. Он обхватил колени руками, и его рыжеватые волосы торчали во все стороны, будто после удара током. — Я с-случайно, Аркадий Ильич, — прошептал он, едва шевеля губами. — Там кок с матросом спорили, сколько соли сыпать в рассольник, и матрос сказал что-то про проклятую мачеху... И тут — хлоп!

— Сударь, — раздался рядом ровный, холодный голос, от которого даже воздух в кают-компании сделался строже.

Джейн Эйр стояла у стола, сложив руки на поясе своего скромного серого платья. Ее спина была выпрямлена так безупречно, что позавидовал бы любой отвес, а взгляд серых глаз пригвоздил обеих дам к месту с ледяной прямотой.

— Истинно так, — продолжила Джейн, обращаясь к парчовым гостьям. — Кричать в присутствии мужчин, швыряться провизией и предаваться вздорному тщеславию — занятие, недостойное женщины, уважающей собственный рассудок. Долг велит сдерживать порывы, а не превращать чужой дом в балаган.

— Ах ты, выскочка в сером тряпье! — взвилась старшая мачеха, и в ее руке оказалась тяжелая алюминиевая поварешка, снятая с крюка у переборки. — Кто позволил тебе поучать нас? Мы — особы, перед которыми трепетали целые дома!

Она замахнулась поварешкой прямо в сторону буфета, где притаился Сеня. Лаборант зажмурился и втянул голову в плечи, но поварешка со свистом рассекла воздух и звякнула о край стола.

— Коллеги, исключено! — я шагнул вперед, поправляя очки и стараясь придать голосу весомость научного доклада. — Строго говоря, ваша масса, скорость перемещения и кинетическая энергия броска не имеют под собой никакой материальной базы! Физически невозможно, чтобы литературные проекции обладали инерцией твердого тела!

В ответ в меня полетела банка тушенки. Я успел лишь слегка повернуть корпус, и тяжелая жестянка впечаталась мне в правое плечо — тупо, болезненно, с отчетливым звуком удара о кость.

— Вот вам ваша физика, ученый болван! — рявкнула младшая мачеха, хватая еще одну банку. — Карету! И горячий шоколад!

Сеня под буфетом снова задрожал, камбуз за спиной дам оставался недоступным, а в животе у меня пусто и гулко урчало — голод вперемешку с ушибом ощущался куда острее любых теоретических выкладок.

Скрипнула дверь, и в кают-компании воцарилась та странная тишина, которая бывает, когда в комнату входит кто-то слишком большой для нее.

Григорий Иванович Косарь поставил на стол тяжелое эмалированное ведро, доверху набитое мелкой, корявой картошкой с темными глазками, и положил рядом горсть коротких кухонных ножей с потертыми деревянными ручками. Капитан неторопливо расстегнул верхнюю пуговицу бушлата, оглядел разбросанные банки и вздохнул своим низким, бархатным басом.

— Море шума не любит, дамы, — сказал он мягко, словно разговаривал с капризными детьми после долгой дороги. — А на голодный желудок и вовсе сердится.

— Нам не нужна ваша картошка, грубиян! — фыркнула дама в бордовом корсете, но поварешку опустила. — Нам нужен бал! Королевский бал, где звучит музыка и все восхищаются нашим изяществом!

— Чайку бы сейчас, да с медом, — отозвался Косарь, ничуть не задетый ее тоном. — И бал будет. Ровно в шесть часов, по судовому времени. Только условие простое, как морской узел: вход на бал — исключительно по трудодням. Кто честно поработал, тот и танцует.

Старшая мачеха презрительно прищурилась, но в ее глазах мелькнуло любопытство. Капитан же повернулся к ней, взял один из ножей, подцепил мелкую картофелину и принялся снимать с нее тонкую, почти прозрачную кожуру ровной непрерывной лентой, не срезая лишней мякоти.

— У вас удивительно тонкие, изящные пальцы, сударыня, — заметил Григорий Иванович с такой искренней галантностью, что я даже моргнул. — Сразу видно — благородная порода. Обычный матрос с такой мелочью провозится полчаса и половину срежет в отходы, а у вас рука легкая, точная. Настоящее искусство — сберечь каждую каплю.

Дама в парче замерла. Ее губы дрогнули, надменность на секунду сползла с лица, уступив место растерянному тщеславию.

— Вы полагаете... — она протянула руку к столу и осторожно взяла нож. — Разумеется, я не привыкла к грубой работе, но показать, как следует обращаться с вещами, пожалуй, можно.

Через минуту обе мачехи уже сидели на перевернутых ящиках у стола, склонившись над ведром. Вторая, подстегнутая примером старшей, тоже схватила нож и принялась с ожесточенным упорством выводить тончайшие спирали кожуры, то и дело косясь на соседку — не слишком ли толсто та режет.

— Истинно так, — сказала Джейн Эйр, подходя к столу с металлической линейкой в руке, которую она где-то успела раздобыть. — Порядок начинается с малого. Долг велит следить за качеством исполнения.

Она наклонилась над старшей мачехой, приложила линейку к очищенной картофелине и строго поджала губы:

— Здесь миллиметра три лишнего. Постарайтесь равномернее.

Мачеха вспыхнула, но не швырнула нож — лишь стиснула зубы и принялась с еще большим рвением строгать следующий клубень, стараясь доказать этой строгой девице в сером, что она не хуже любого придворного мастера. Камбуз за дверью уже не казался крепостью, а картошка в ведре убывала быстрее, чем я ожидал.

В шесть утра на ходовом мостике царил густой, вязкий зеленый полумрак аварийных светильников. Генератор по-прежнему молчал, ветер за иллюминаторами глухо шуршал, а янтарные усики, проросшие сквозь кабель-канал, тихо светились в темноте, словно тонкие стеклянные нити с застывшим внутри солнечным светом.

Сеня шел за мной, сгорбившись и боязливо косясь на пульты, будто любой тумблер мог укусить его за палец.

— Я не хочу к эхолоту, Аркадий Ильич, — прошептал он, хватаясь за косяк двери. — Вдруг я снова... Ну, знаете...

Вдруг слово какое-нибудь не то сорвется, и тут сразу карета или еще кто-нибудь... Я случайно, честное слово!

— Дыши животом, Сеня, — сказал я, останавливаясь у штурманского стола и не повышая голоса. — Вдох через нос на четыре счета, медленный выдох через рот. Диафрагма фиксирует грудную клетку, речевой аппарат перестает срываться в скороговорку. Попробуй.

Лаборант шумно втянул воздух, зажмурился и медленно выдохнул. Плечи его чуть опустились, но пальцы все равно судорожно сжимали край комбинезона.

— Приборы не согласны друг с другом, — пробормотал я, глядя на мертвые шкалы глубиномера и компасов, замерших на нуле. — Строго говоря, при полном обесточивании акустический блок не должен подавать признаков жизни.

Но в ту же секунду глубоководный эхолот на консоли глухо щелкнул. Его тонкая писчая игла дрогнула, опустилась на бумажную ленту и принялась ровно, мерно скрести по ней, выводя острые пики, похожие на кардиограмму. Я наклонился ближе, вглядываясь в чернильный след. Каждый всплеск на ленте совпадал с медленным, глубоким вздохом — сначала моим, затем Сениным, а через пару секунд — с тяжелым, размеренным дыханием капитана где-то внизу на палубе. Глубинная масса монолита откликалась на дыхание людей на борту, словно огромный живой организм под килем прислушивался к каждому нашему вдоху.

— Аркадий Ильич... — голос Сени упал до едва слышного шепота, когда он подошел к боковому иллюминатору и прижался лбом к холодному стеклу. — Вы только посмотрите...

Я перевел взгляд на темную воду за бортом. Второй золотой кабель, тянувшийся от глубин к днищу «Пеликана-9», пульсировал ровным багрово-золотым светом — и показался мне заметно толще, чем два часа назад, словно прибавил в диаметре сантиметров двадцать за время нашего ночного противостояния. А над столом эхолот продолжал ровно, неумолимо отбивать ритм человеческого сердца — сорок ударов в минуту.

ГЛАВА 5

К семи пятнадцати мы уже стояли на главной палубе у грузовой лебедки, и холодный утренний воздух пах мокрым железом и озоном. Полина явилась туда в своем горчичном свитере с засученными рукавами и ярких красных сапогах, прижимая к груди портативный интерферометр и ящик с кабелями. Щеки у нее горели, темные кудри выбились из небрежного пучка, а глаза блестели так, будто она собиралась не замеры снимать, а выиграть регату на надувной лодке.

— Смотрите, работает! — выпалила Полина еще до того, как переступила комингс. — Профессор, луч прямо у лебедки идет почти вертикально из воды, уходит куда-то вверх в облака и гудит! Я же говорила, что мир шире ваших таблиц!

— Строго говоря, Полина, таблица еще не закончена, — ответил я, придерживая левой рукой ушибленное правое плечо. — Физически невозможно, чтобы световой импульс обладал плотностью стального троса, но факт остается фактом: этот столб света натягивается как швартов. Закрепляем датчики на станине лебедки. Быстро и без лишних метафор.

Мы прикрутили оптические головки к массивной чугунной станине, пока палуба под ногами слегка подрагивала от натяжения невидимых тросов. Сеня топтался рядом в замасленном комбинезоне, то и дело поправляя взъерошенные рыжеватые волосы и нервно сглатывая. Он держал в руке небольшой металлический фонарик, откопанный им в вентиляционном коробе.

— Я с-случайно его нашел, Аркадий Ильич, — пробормотал лаборант, косясь на светящийся столб, словно тот вот-вот заговорит на латыни. — Он еще светит, хотя батарейки там, наверное, с прошлого века. Виноват, что долго искал.

— Светит и ладно, — сказал я, настраивая приемник. — Сеня, встань в трех метрах левее станины и подай встречный световой сигнал ровно по моей команде. Только без скороговорок. Дыши ровно.

— Честное слово, я постараюсь, — кивнул Сеня, сжал фонарик обеими руками, как талисман, и направил луч в сторону светящегося столба.

— Включай.

Сеня нажал кнопку. Тонкий белый пучок фонарика ударил в янтарный луч из глубины — и в ту же секунду вокруг палубы пошел тихий, густой резонанс. Воздух будто наполнился теплым янтарным медом и гудящим светом: над лебедкой, над нашими головами и над краями бортов раскрылся полупрозрачный купол теплого сияния. Я протянул руку, чтобы поправить датчик, и пальцы тут же обожгло ледяным, обжигающим холодом — луч действительно имел плотность тугого троса, но при этом не резал кожу, а словно впитывал тепло с такой жадностью, что у меня заныли суставы.

— Ой, мамочки... — выдохнула Полина, но не отступила ни на шаг, прильнув к экрану анализатора. — Аркадий Ильич, посмотрите на кривую! Она чистая, как слеза!

На экране выстроилась ровная, четкая дифракционная кривая без единого шума. Я придвинулся ближе, щурясь сквозь очки, и прогнал расчет частоты отсечки. Цифры легли в формулу с пугающей, почти насмешливой точностью: частота подчинялась числу «пи» с точностью до шестого знака.

— Исключено, — пробормотал я, чувствуя, как внутри поднимается то самое запретное, острое научное возбуждение, от которого забываешь и про ушибленное плечо, и про пустой желудок. — Коллеги, строго говоря, подобная гармоника не должна существовать в открытой среде без волновода. Но кривая чистая. Мы нашли точку отклика.

— Да ладно вам, профессор, признайте! — Полина подпрыгнула на месте так, что ее красные сапоги звонко хлопнули о палубу, и всплеснула руками. — Мы взломали код управле-

ния этой штукой! Это же чистая математика, только с янтарным привкусом! Мы сейчас вычислим фазу, развернем ее и освободим «Пеликан-9» за полчаса!

Сеня рядом тихонько пискнул от восторга, но тут же прикусил язык, боясь спугнуть удачу. Под куполом теплого янтарного сияния палуба казалась почти уютной, словно мы сидели не на тонущем судне в открытом море, а в освещенной лампой лаборатории, где все поддается измерению. Я позволил себе короткую, почти незаметную усмешку: черт возьми, а ведь девчонка и впрямь уловила закономерность.

К восьми часам эйфория на главной палубе достигла такого накала, что, казалось, даже железные кнехты вотвот пустятся в пляс. Полина уже успела притащить модифицированный термофен «О-3» — тот самый проклятый прибор, который недавно плевался золотым туманом и фарфоровыми чашками. Она перепаяла часть контуров, намотала медный виток вокруг сопла и уверяла, что теперь агрегат выдаст обратную фазу и пережижет световой кабель, как автоген.

— Полина, не слишком ли оптимистично? — спросил я, держа наготове приемник и стараясь не смотреть на медную проволоку, торчащую из корпуса как усы у кота. — Если обратная фаза пойдет в резонанс с толщиной жгута...

— Смотрите, работает! — перебила она, вскинув подбородок с тем самым упрямым вызовом, который всегда выдавал ее страх показаться несерьезной. — Сейчас мы эту ниточку чик — и готово!

Она врубила прибор «О-3» на полную мощность, направив плазменный раструб прямо в центр янтарного световода. Раструб завыл на высокой, неприятной ноте, выбросив тугой сноп ослепительно-белого пламени.

— Вот так! — закричала Полина, перекрывая гул прибора звонким, торжествующим голосом. — Это вам за ваши сказки и за мокрые ботинки! Человеческий разум побеждает темную стихию, а кто не верит — пусть пересчитает по новой! Вектор задан, фаза сдвинута, светлый ум против темного жгута — вжух, и дело в шляпе!

И тут она, увлекшись собственным триумфом, начала импровизировать, выкрикивая прямо в гудящий раструб сложные, сбивчивые рифмованные формулы — то про синусы и косинусы, то про искру, то про то, как «умный ток сожжет порок».

Световод не отшатнулся. Он вдруг замер, а затем резко, почти по-звериному втянул пламя в себя, словно голодная пасть, которой подбросили сладкий кусок. Звук изменился: вместо воя термофена раздался сухой, хрустящий треск, будто ломали тысячи стеклянных палочек одновременно.

— Полина, отходи! — рявкнул я, бросаясь к ней.

Поздно. Прибор «О-3» вспыхнул изнутри, взорвался каскадом золотых искр и за считанные секунды распался на серый, звонкий кристаллический шлак, который со стуком осыпался на палубу. Ударная волна сбила меня с ног, а в следующую секунду янтарный кабель резко, страшно утолщился втрое. Он загудел так низко, что заложило уши, и с чудовищной силой дернул «Пеликан-9» носом вниз.

Палуба ушла из-под ног под крутым углом. Полина едва успела ухватиться за леер, ее кудри рассыпались по

плечам, и впервые за все утро в ее глазах не было ни азарта, ни дерзости — только ошеломленный, леденящий ужас.

К восьми сорока пяти я вбежал на ходовой мостик, цепляясь за поручни, потому что идти ровно по наклонному настилу уже не получалось. Внутри все сжималось от дурного предчувствия: главный инструмент нейтрализации уничтожен, а нос судна уходил вниз все ощутимее.

— Григорий Иванович! — крикнул я, вваливаясь в рубку. — Что по крену и дифференту?

Капитан Косарь стоял у штурвала в своем тяжелом темно-синем бушлате, широко расставив ноги в морских сапогах. Его густая седеющая борода казалась еще суровее в зеленом свете аварийных ламп, но голос оставался низким и ровным, как всегда. Он молча кивнул в сторону клинометра.

— Пятнадцать градусов на нос, Аркадий Ильич, — сказал Косарь неторопливо и веско. — Да и в воде творится неладное. Отставить панику, посмотрите за борт.

Я подошел к боковому иллюминатору и замер. Вода за бортом перестала быть соленой и темной: она превратилась в густую, вязкую золотистую жидкость, и когда я приоткрыл переговорный люк забортного пробоотборника на секунду — в рубку пахнуло сладковатым, теплым ароматом липы, от которого в этой ледяной ловушке стало почти тошно. Вместо привычного шума волн снаружи стояла абсолютная, ватная, мертвая тишина, словно мир за стеклом заложило плотной ватой.

Я опустил взгляд на левое запястье, чтобы засечь время, и моргнул. Стрелки моих наручных часов с бешеной скоростью крутились против часовой стрелки — секунды, минуты, часы сливались в серый размытый вихрь, а циферблат тихо пощелкивал в такт этому безумному отсчету назад.

— Физически невозможно... — прошептал я, чувствуя, как холодеют пальцы. — Григорий Иванович, по моим расчетам и по поведению жгутов...

Я выпрямился, с трудом удерживая равновесие на покатом настиле, и посмотрел капитану прямо в спокойные карие глаза:

— До полного затягивания судна в тектонический разлом осталось ровно двенадцать часов.

За иллюминаторами луч из бездны вдруг ослепительно вспыхнул, превращая ночное небо над мачтами в гигантский раскрытый книжный форзац, а носовая часть «Пеликана-9» с глухим, тяжелым стоном ушла в воду еще на два метра ниже ватерлинии, и стрелки часов на моем запястье рванули вперед-назад с пугающей, неумолимой точностью.

ГЛАВА 6

В кают-компании стоял странный, почти церковный полумрак, хотя за бортом по-прежнему сияла та самая вязкая золотистая жижа с запахом липы. На столе у переборки все еще лежал стакан шиповника Косаря, а под потолком лениво кружили две уцелевшие фарфоровые чашки, словно забывшие, зачем их подняли в воздух. Я взял большой грифельный щит, прислоненный к буфету, взял кусок мела и вывел ровными, печатными буквами: «Ни единого звука громче шума дыхания». Мел скрипнул — слишком громко, так что я тут же прикусил губу и стер лишний хвостик у буквы «д» пальцем. Вся беда заключалась в том, что монолит реагировал на акустические колебания, как голодный фильтр на приток питательной среды, а любая скороговорка или эмоциональный выкрик превращались в катализатор кристаллизации.

Григорий Иванович стоял у стола, широко расставив ноги на наклонном полу, и медленно перекатывал в ладони медный судовой колокольчик. Его седеющая борода в тусклом свете казалась высеченной из темного камня, а голос, когда он все-таки позволил себе тихое, веское замечание, прозвучал почти как урчание сытого зверя:

— Один удар — внимание на нос. Два — проверка крена. Три — совсем худо, но без крика, сударь. Долг велит беречь глотки, а не устраивать базар на тонущем корыте.

Джейн Эйр стояла в двух шагах от него с безупречно прямой спиной, в своем строгом викторианском платье с белым воротничком, и сжимала в руке металлическую линейку, словно шпагу. Она не смотрела ни на чашки, ни на две мачехи, которые в дальнем углу покорно, но с таким яростным достоинством чистили картошку в ведро, что кожура летела аккуратными спиралями, ни разу не коснувшись пола.

— Полумеры здесь неуместны, сударь, — произнесла Джейн ровно, без единой дрожи в голосе, хотя наклон палубы заставлял ее чуть подбирать подол. — Если мы оставим людям перья, карандаши и бумагу, они начнут писать жалобы, а жалоба неизбежно рождает шепот. Истинно так: изымите все письменные принадлежности, кроме мела и грифельных досок. Иначе дисциплина рассыплется быстрее, чем ваш хваленый порядок.

— Строго говоря, — вывел я мелом на доске, стараясь не стучать, — протокол эксперимента не может существовать без фиксации данных. Но на ближайшие часы я согласен на мел.

Джейн кивнула с тем ледяным, неумолимым спокойствием, от которого у любого нормального человека возникало желание немедленно вымыть руки и проверить осанку. Она подошла к первому же матросу, пришедшему на инструктаж, и без лишних слов протянула ладонь. Матрос молча выложил на стол карманный плеер, сложенный вдвое бульварный детектив с глянцевой обложкой и обгрызенный карандаш. Следующий сдал блокнот и свисток. Третий — какой-то замусоленный талисман в виде пластикового кролика, который при нажатии издавал противный писк; Джейн посмотрела на кролика так, словно перед ней лежал сам мистер Брокльхерст в миниатюре, и аккуратно убрала его в карман фартука.

В коридоре за дверью послышался легкий шорох, затем короткое, сдавленное «кхм», а следом — тихое, отчаянное шуршание когтей по линолеуму. Сеня в своем замасленном комбинезоне вынырнул из-за притолоки, неся в руках связку сигнальных флажков, которые они с Косарем успели смастерить из обрезков парусины и деревянных реек. Лаборант шел на цыпочках, широко расставив руки, словно канатоходец, и вдруг его правая нога в толстом шерстяном носке опустилась прямо на пушистую спину корабельной кошки, выскочившей из-под лавки.

Рот Сени открылся широко и беззвучно — видно было, как надувается грудная клетка, как взлетают рыжие брови, как в глазах закипает чистый, первобытный панический вопль, способный в одну секунду обратить весь «Пеликан-9» в янтарный леденец. Но Джейн Эйр оказалась быстрее. Она шагнула вперед с поразительной для своего хрупкого сложения скоростью,

выхватила из кармана идеально сложенный, накрахмаленный белый платок и плотно прижала его Сене к губам, придержав за подбородок.

— Тш-ш, — прошептала она одними губами, глядя лаборанту прямо в перепуганные глаза. — Долг велит молчать, даже если мир рушится у ваших ног.

Кошка возмущенно фыркнула, но тоже промолчала — то ли от удивления, то ли от того, что в кают-компании пахло липой и вареной картошкой. Сеня замер, судорожно дыша носом, и медленно опустил флажки. Когда Джейн убрала платок, на его щеке остался четкий, ровный отпечаток крахмальной ткани, а сам он выглядел так, будто только что пережил личную встречу с инквизицией.

Косарь тихо, одними глазами, показал на коридор, и через десять минут судно погрузилось в странное, звенящее безмолвие. По коридорам двигались люди в толстых шерстяных носках — без привычного стука сапог, без лязга инструментов, без переклички вахтенных. Когда двое матросов столкнулись у трапа, они не выругались и не обменялись шуткой: один сделал глубокий, почти театральный викторианский реверанс, приложив руку к груди, а второй поднял перед собой тяжелую грифельную доску, на которой крупно значилось: «Проходите, сударь, я не тороплюсь». Кто-то в глубине отсека тихо кашлянул, зажав рот обеими руками, и тут же покосился на Джейн, которая стояла у переборки с линейкой наперевес, словно строгая гувернантка, проверяющая, не спрятал ли кто-нибудь конфету под парту.

В этом искусственном молчании было что-то удушающее. Звуки не исчезали совсем — они словно вязли в воздухе, как мухи в теплом янтарном меде, а редкие поскрипывания корпуса под пятнадцатиградусным дифферентом звучали слишком отчетливо. Зато я заметил то, чего не ожидал: тонкие янтарные усики, проросшие сквозь кабель-канал на мостике, перестали дрожать и удлиняться. Без шума, без споров и без рифмованных глупостей монолит словно замер в ожидании, но это ожидание давило на виски тяжелее любого свинцового груза.

В лаборатории трюма «Пеликана-9» воздух казался густым и чуть солоноватым, хотя за переборкой по-прежнему царила мертвая тишина. Я сидел у рабочего стола, склонившись над образцом о1 — тем самым янтарным фрагментом, который мы извлекли в самом начале экспедиции и который теперь лежал на резиновом коврике, тускло поблескивая в свете настольной лампы. Пьезодатчики были подключены к его поверхности, и я аккуратно снимал показания, стараясь дышать ровно и не задевать локтем приборы. В условиях звукового вакуума кривая на осциллографе вела себя сдержанно: редкие, едва заметные колебания, словно образец дремал, поджав невидимые лапы.

В дальнем углу лаборатории, на ящике с запасными катушками, сидела Полина. Ее кудри рассыпались по плечам, в руках она вертела какой-то небольшой, острый обломок, который явно не числился ни в одной описи. Я не видел ее лица целиком, но по тому, как напряженно сведены ее лопатки и как судорожно сжимаются пальцы вокруг темного камня в кармане комбинезона, я понимал: спокойствие ей сейчас дается с трудом. После взрыва термофена «О-3» она не проронила ни слова, но в ее позе чувствовалась та самая взведенная пружина, которая всегда появляется перед очередной глупостью.

Внезапно между пальцами у Полины пробился тонкий, неровный отблеск. Я прищурился и наклонился чуть ближе, стараясь не шевелить стулом. Кристаллический осколок в ее руке — судя по всему, отколовшийся от монолита или от шлака взорвавшегося при-

бора — начал наливаться глубоким, тревожным карминным светом. Он не просто светился; он пульсировал в такт учащенному сердцебиению, словно внутри крошечного камня бился крошечный, разъяренный уголек. Чем сильнее Полина хмурилась, вспоминая, вероятно, и проваленный опыт с термофеном, и поющую баритоном сушилку, и летящие чашки, тем ярче становилось багровое пламя на гранях осколка.

Я медленно поднял глаза от осциллографа. Тепловизор на краю стола тихо пискнул, зафиксировав резкий локальный всплеск температуры в правом углу помещения — ровно там, где сидела Полина. Воздух над ее коленями слегка задрожал, точно над раскаленным асфальтом в июльский полдень.

Я посмотрел на нее прямо, не повышая голоса, но вложив во взгляд всю тяжесть накопившейся за сутки усталости и молчаливого вопроса: что это за игрушка и почему она светится так, словно собирается прожечь палубу насквозь? Полина вздрогнула, ее темные глаза расширились, на секунду мелькнуло то самое «ой, мамочки», но она тут же закусила губу и спрятала руку глубже в карман, словно надеялась, что ткань скроет карминное зарево.

Не успел я сделать движение, чтобы встать, как левая стальная переборка лаборатории издала долгий, скрежещущий стон. Металл вздулся волной, словно толстый лист картона, который кто-то с силой сдавил с двух сторон. Заклепки затрещали, по шву поползла ржавая крошка, и из самого центра вздутия, пробивая сталь с пугающей легкостью, наружу проросли острые, полупрозрачные янтарные иглы. Они росли медленно, но неумолимо, словно кристаллы льда на оконном стекле, только вместо холода от них тянуло сладковатым запахом липы и чужой, враждебной волей.

Я поднялся со стула, не произнеся ни звука, подошел к Полине и протянул ладонь. Она секунду колебалась, глядя на меня исподлобья, но потом беззвучно разжала пальцы и вложила мне в руку теплый, вибрирующий осколок. Карминовое свечение тут же стало тусклее, словно камень недовольно заворчал, но не погасло полностью. Я молча дошел до угла, где стоял тяжелый свинцовый сейф для радиоактивных и аномальных образцов, открыл дверцу, положил осколок внутрь и защелкнул тяжелый засов. Металлический щелчок прозвучал в тишине лаборатории как выстрел.

Когда я обернулся, Полина уже стояла у стены с куском мела в руке. Она чертила быстро, почти яростно, так что меловая пыль оседала на ее красных сапогах и на закатанных штанинах комбинезона. На сером металле выросли крупные, угловатые буквы: «Вы боитесь того, что нельзя измерить линейкой!»

Я посмотрел на эту надпись, потом на саму Полину, чья грудь высоко поднималась от сдерживаемого дыхания, и почувствовал, как внутри поднимается глухое, неприятное раздражение. Я не стал спорить на весь отсек — просто вытащил из кармана халата короткий огрызок мела и прямо на белой отвороте своего рукава, поверх серой ткани, вывел четкую фразу: «Я отвечаю за ваши жизни, а не за ваши фантазии». Повернул запястье так, чтобы ей было видно, и замер, ожидая, что она сделает дальше.

Полина на секунду застыла, глядя на мой рукав, потом с силой вжала мел в стену и вывела еще одну строчку, уже мельче, но с таким нажимом, что мел хрустнул пополам: «А если жизнь и есть фантазия, профессор?»

Ответа я дать не успел. Под ногами раздался глухой, тяжелый удар — такой, будто по днищу «Пеликана-9» ударили гигантским молотом, обернутым в мокрый войлок. Пол накренился еще ощутимее, и где-то в глубине корпуса отозвался протяжный, металлический стон. Корпус явно просел еще на метр, уходя носом ближе к той самой янтарной бездне, которая ждала нас внизу.

Я бросился к приборной стойке, чтобы проверить состояние трюмных систем, и замер, глядя на показания. Расходомер осушительной магистрали показывал абсолютную сухость — ни капли воды в трюмах, будто судно стоит в сухом доке посреди пустыни. Но рядом на табло датчики давления в тех же самых отсеках буквально кричали красными цифрами о стремительном затоплении, а стрелка одного из манометров дрожала с такой частотой, словно пыталась вырваться из корпуса. Приборы не согласны друг с другом, и в этой тишине их молчаливое противоречие пугало куда сильнее любого шторма.

ГЛАВА 7

Я отошел от приборной стойки, стряхивая с кончиков пальцев ощущение ложной тревоги, и перевел взгляд на дальний угол отсека, где под слоем ветоши и медных труб скрывался технологический люк в машинное отделение. В обычном рейсе люк этот открывали раз в неделю для проверки сальников, но сегодня даже стальная крышка казалась чужой. Из вентиляционной решетки над ней потянуло вдруг странным сквозняком — не сырым трюмным воздухом, а ледяным, колким дуновением, в котором отчетливо проступал тошнотворный, пресный запах сырой овсянки. С точки зрения биофизики молекулы холода не имеют запаха сами по себе, однако мой нос упрямо регистрировал именно эту мерзкую кашу и мокрую шерсть.

Я кивнул Сене, стоявшему у двери с медным колокольчиком в руке, и сделал жест ладонью вниз, приглашая к люку. Лаборант осторожно, словно боясь разбудить спящий динамит, подкрался ближе, а следом бесшумно выступила Джейн Эйр — в своем строгом сером платье, с белыми манжетами и линейкой, зажатой у пояса. На нас уже были накинуты плотные шерстяные куртки поверх свитеров и халатов, но даже сквозь толстую ткань чувствовалось, как меняется микроклимат отсека. Я поддел монтировкой задрайку, поднял тяжелую крышку люка и первым спустился вниз по скобам, придерживая фонарь так, чтобы луч падал на переборку, отделяющую лабораторию от машинного отделения. Сеня спустился следом, переступая через медные трубки в своих толстых носках, а Джейн аккуратно опустила подол, ступая на решетчатый настил с безупречным, почти пугающим достоинством.

Воздух внизу буквально звенел от мороза. Не от морского ветра — в замкнутом пространстве стального корпуса звук мороза звучит как тонкий хрустальный звон, от которого сводит скулы. На моих глазах стены лаборатории и сама переборка машинного отделения начали покрываться тонким, серебристым инеем прямо поверх вязкой янтарной смолы. Кристаллы льда набегали быстро, словно кто-то проводил по металлу невидимой кистью, смоченной в жидком азоте. Я поднес ладонь к переборке, не касаясь ее вплотную, и почувствовал, как лед обжигает кожу, словно сухой углекислый газ.

Из густых клубов белесого пара, поднявшихся от пайолов, медленно выступил высокий, худой силуэт. Фигура была облачена в черное суконное платье священника и строгий сюртук, а лицо ее — резкое, желтоватое, с жестко сжатыми губами и тяжелым подбородком — казалось высеченным из мутного глетчерного льда. Мистер Брокльхерст, директор Ловудского приюта, материализовался без единого звука, но в самом его облике таилась такая ледяная, казенная жестокость, что у меня на затылке зашевелились волосы. Он не смотрел ни на меня, ни на Сеню — его тусклые, словно запотевшие глаза были устремлены исключительно на Джейн Эйр.

— Лживое и гордое создание, — прозвучал в воздухе голос, лишенный всякой теплоты, похожий на треск ломающегося под коньками льда. — Ты думала, что суровое воспитание и голод очистили твою порочную душу? Ты лишь накопила в себе черную неблагодарность и высокомерие, достойное худших ослушников!

Я увидел, как напряглась Джейн. Едва ли не впервые с момента своего появления на «Пеликане-9» она не выпрямилась еще строже, а словно сжалась внутри своего серого платья. Ее безупречная осанка дрогнула, пальцы, сжимавшие линейку, побелели, а подбородок, обычно вздернутый с несокрушимым достоинством, вдруг опустился. В тусклом свете фонаря я заметил, как по ее щеке скатилась первая, совсем тихая слеза. Она не закричала и не нарушила нашего хрупкого режима тишины, но вся ее выправка рассыпалась в одно мгновение: Джейн медленно осела на холодные пайолы, обхватила руками голову, сжимая виски, и замерла, потеряв дар речи от внезапного, парализующего ужаса прошлого.

И в ту же секунду янтарные наросты на переборке откликнулись на ее безмолвное горе. Смола не просто задрожала — острые янтарные иглы и утолщенные прожилки на глазах начали

раскрываться, словно хищные бутоны, превращаясь в жуткие черные кристаллические цветы. Их лепестки были глянцевыми, угольно-черными, с острыми гранями, и от них пахло уже не липой, а сырой землей, могильным склепом и застарелой обидой.

Я шагнул вперед, пытаясь заслонить Джейн собой от ледяного призрака, и выставил перед собой фонарь, словно надеясь удержать этот морозный кошмар хотя бы на расстоянии вытянутой руки. Строго говоря, любая проекция должна подчиняться законам сохранения энергии, но мистер Брокльхерст даже не моргнул. Он сделал плавный, почти скользящий шаг вперед, и от его черного сюртука ударила волна кинетического холода — плотная, тяжелая, точно меня толкнули в грудь мешком с мокрым песком. Я не удержал равновесие, отлетел назад на пару шагов и с глухим стуком приложился спиной о стальной шпангоут, на секунду выронив фонарь.

Над оседавшей на пайолы Джейн повис ледяной взгляд директора приюта, и в этом тяжелом, удушливом молчании я понял, что книжная героиня сейчас сломается окончательно. Но тут в поле моего зрения мелькнул Сеня. Лаборант стоял чуть поодаль, его рыжие вихры топорщились под светом аварийных ламп, а на щеке все еще темнел след крахмального платка. Он посмотрел на сгорбившуюся Джейн, на ее тихие, беззвучные слезы, и вдруг в его больших голубых глазах пропала вся привычная суетливость. Сеня сжал челюсти так сильно, что в тишине отсека отчетливо хрустнуло, сглотнул ком в горле, не издав ни звука, и решительно шагнул вперед, встав между плачущей гувернанткой и ледяным призраком.

Я приподнялся на локте, готовясь остановить его — ведь у парня не было ни оружия, ни специальной подготовки, лишь нервная болтливость, которую он сейчас зажимал в кулак изо всех сил. Но Сеня не бросился в рукопашную. Он нагнулся к ящику с инструментами, схватил тяжелый стальной гаечный ключ и кусок серого асбестового шнура, валявшегося рядом с набивкой для сальников. Его пальцы дрожали, но движения были удивительно сосредоточенными: в два быстрых, выверенных приема он обвязал ключ и затянул на нем правильный беседочный узел, оставив длинный ходовой конец.

Призрак мистера Брокльхерста уже занес руку, словно собираясь накрыть Джейн тяжелым черным покрывалом обвинений, когда Сеня рванулся вперед. Без единого слова, удерживая дыхание, лаборант метнул асбестовый шнур и ловко набросил петлю на ледяной молебник, который призрак сжимал в костлявых пальцах. Другой конец шнура Сеня резким рывком обмотал вокруг толстой медной шины заземления, уходившей в корпус судна, и плотно прижал витки ключом.

По отсеку пробежал сухой электрический треск. Ледяной силуэт мистера Брокльхерста дернулся, словно по нему пропустили разряд высокого напряжения, а его молебник вспыхнул синеватой искрой. Призрак начал таять и рассеиваться с громким, звенящим шипением, словно раскаленный утюг опустили в ледяную воду; черные кристаллические цветы на переборке тут же поблекли, съежились и осыпались мелкой крошкой на пайолы. Еще секунду в воздухе висело облако морозного пара, а затем оно растаяло без следа.

Сеня выдохнул — длинно, прерывисто, словно наконец выпустил воздух, который копил в легких с самого начала спуска. Его колени подогнулись, глаза закатились, и он рухнул бы навзничь прямо на холодный металл, если бы я не успел подхватить его за плечи. Тяжелый парень оказался на удивление податливым в этом обмороке: я опустил лаборанта на пайолы, привалив спиной к переборке, и почувствовал, как сильно колотится мое собственное сердце. Рядом тихо всхлипнула Джейн, медленно поднимая голову, а в дальнем углу отсека снова тихо пискнул прибор, напоминая, что тишина на борту держится на последнем волоске.

Оставив Сеню под присмотром пришедшей в себя Джейн, я поднялся на ходовой мостик, чтобы доложить капитану о переохлаждении нижних палуб и черных кристаллах на переборке. На мостике царил тот же ледяной, звенящий покой, только за широкими стеклами иллюминаторов открывалась картина, от которой у любого гидрографа опустились бы руки. Океан

вокруг «Пеликана-9» больше не отражал ни хмурого ноябрьского неба, ни тусклых судовых огней. Вода превратилась в сплошное, неподвижное черное зеркало монолита, в котором с пугающей глубиной мерцали редкие золотые прожилки, словно мы висели над бездной, вымощенной темным стеклом.

Григорий Косарь стоял у штурвала, чуть наклонив вперед свою широкую, крепкую фигуру, и в его спокойных карих глазах читалась тяжелая, усталая сосредоточенность. Он не стал перебивать меня и не поднял голоса — просто кивнул, выслушав мой беззвучный доклад и взглянув на грифельную доску, где я успел набросать несколько строк о температуре в трюме. Вместо долгих рассуждений капитан молча взял меня за локоть и повел к правому борту, ближе к шлюпбалкам.

Я подошел к леерам, наклонился и замер. Спасательные шлюпки, которые в нормальном рейсе можно было бы спустить на воду за считанные минуты, были намертво впаяны в плотный, полупрозрачный янтарь. Густая золотистая масса обволакивала корпуса лодок, тали и блоки, превращая их в часть единого монолита, уходящего прямо в подводный массив. Спустить плавсредства было невозможно — даже если бы мы каким-то чудом запустили лебедки, янтарь держал шлюпки крепче любого сварного шва. «Пеликан-9» больше не плыл; он стал единым целым с рифом Мариинской впадины, врос в него, как корень в камень.

Внутри меня словно что-то оборвалось. Все мои графики, расчеты отрицательного сопротивления, пьезодатчики и привычная вера в то, что любую аномалию можно описать уравнением и изолировать в колбе, рассыпались в прах. Я стоял у лееров, глядя на впаянные в янтарь шлюпки и на черное зеркало воды, и впервые за долгие годы чувствовал полное крушение своей научной картины мира и абсолютное профессиональное бессилие. Никакая формула не спасала, когда корабль становился частью дна, а приборы вокруг упрямо противоречили друг другу.

Косарь подошел сзади, положил свою тяжелую, мозолистую ладонь мне на плечо — так крепко и спокойно, что на секунду вернулось ощущение твердой почвы под ногами — и другой рукой протянул мне небольшую бумажную обертку. На ней тускло блестели знакомые буквы: карамелька «Взлетная». Капитан тихо, одними глазами показал вниз, в сторону трюма, где в темноте продолжала падать температура, покрывая главные дизели толстой коркой янтарного льда.

ГЛАВА 8

Я развернул бумажку, сунул карамельку за щеку и кивнул капитану — мол, спускаюсь. В кармане халата лежал кусок мела, за пазухой пряталась остаточная гордость биофизика, который все еще верил, что любую дикую амплитуду можно укротить правильным граничным условием.

На главной палубе у лебедки пахло мокрым железом, солью и чем-то сладковато-липовым, от чего сводило скулы. Световод уходил прямо в палубный настил рядом с лебедкой — толстый, пульсирующий золотой жгут, в котором бегали ровные, почти гипнотические сполохи. Полина уже стояла у барабана троса, в своем желтом свитере и красных сапогах, с кудрями, растрепанными от сырого ветра. Косарь тяжело опустился на кнехт, скрестив на груди руки в суконном бушлате.

— Григорий Иванович, — тихо написал я на куске палубного листа, чтобы не нарушать молчание, а затем все же тихо проговорил одними губами, наклонившись к самому уху капитана: — Термическая деструкция в точке входа. Локальный выброс энергии разорвет связь между придонным монолитом и корпусом.

Капитан медленно покачал головой, глядя на золотой жгут, который тихо гудел, словно натянутая струна контрабаса. Его низкий бас прозвучал едва слышно, на грани шепота:

— Море шума не любит, профессор. А тут не море — тут сплошной нерв.

— Строго говоря, это полимерная или кристаллическая структура с аномальной проводимостью, — возразил я, уже доставая из аварийного ящика три красных цилиндра сигнальных фальшфейеров и моток термитной проволоки. — И если мы не перережем этот канал сейчас, через несколько часов нас утянет на дно вместе с лебедкой.

Пальцы у меня дрожали — не от страха, а от холода и той глухой, лихорадочной злости, которая появляется, когда привычный мир отказывается подчиняться простым расчетам. Я скручивал три фальшфейера в плотный пучок, обматывая их термитной проволокой, виток за витком, стараясь не думать о том, что делаю это на открытой палубе посреди океана, превратившегося в черное стекло.

Полина шагнула ко мне. Ее темные глаза широко раскрылись, она яростно затрясла головой, приложив палец к губам, а затем быстро-быстро застучала костяшками пальцев по янтарному жгуту — тихо, едва касаясь поверхности, но так выразительно, что я сразу понял: кристалл дышит. Он пульсирует в такт нашему общему напряжению, и каждая новая волна света в нем отзывается легким покалыванием на коже. Полина схватила меня за рукав халата и беззвучно одними губами произнесла: «Не надо, он живой».

— Физически невозможно, — прошептал я в ответ, высвобождая рукав. — Это не живой организм, Полина. Это фазовый переход.

Я опустился на одно колено у основания лебедки, приложил связку фальшфейеров к месту, где золотой жгут входил в стальной настил, и занес руку над терочной головкой. Косарь не стал меня останавливать — лишь тяжело вздохнул, глядя куда-то поверх мачты, словно уступая человеку, который знает формулы, но не чувствует воды.

Я дернул чеку.

Ослепительное магниевое пламя вспыхнуло мгновенно, ударив в глаза белым, режущим светом, будто кто-то взорвал прожектор в двух шагах от лица. Искры брызнули во все стороны, термитная проволока зашипела, прожигая металл и вгрызаясь в янтарный жгут. На долю секунды показалось, что план сработает: оранжевая смола закипела, потемнела, по краям пошел едкий дым.

Но вместо того чтобы лопнуть или перерезаться, жгут словно вдохнул огонь.

Золотая масса жадно втянула магниевую вспышку внутрь себя, как губка втягивает воду. Вместо разрыва янтарь начал стремительно раздуваться — на глазах, с глухим, утробным урчанием, от которого заложило уши. Пять сантиметров, полметра, два метра... за считанные секунды жгут раздулся до пяти метров в диаметре, превратившись в гигантский, полупрозрачный золотой пузырь, распирающий палубу у лебедки.

И тут грянул удар.

Это был не обычный взрыв — скорее обратный толчок, словно сам монолит оттолкнул от себя чужеродную энергию с удвоенной силой. Ударная волна швырнула меня назад и вверх. Я перелетел через кнехт, больно ударился о стальной фальшборт, и мои очки в тонкой металлической оправе со звонким, жалким хрустом разлетелись об угол борта. Рядом глухо упала Полина, глухо звякнули металлические детали лебедки, а палуба под ногами содрогнулась так, словно «Пеликан-9» наскочил на подводную скалу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.